

Отношения между компонентами структуры: денотат – поэтоним – образ

В.М. Калинин

Каких бы проблем, связанных с функционированием поэтонимов, ни касался исследователь, рано или поздно он сталкивается с необходимостью решить, что представляют собой отношения между описываемым в литературном произведении объектом (денотат), носящим данное ему писателем имя (поэтоним), и передаваемым им художественным содержанием (образ). Исследователи поэтики онимов справедливо относят этот вопрос к разряду фундаментальных.

Практически ни одна попытка структурирования семантики слова не обходится сегодня без того, чтобы связь между знаком, обозначаемым и значением не была показана с помощью той или иной модификации «семантического треугольника» [3]. Этот простой и понятный прием обнаруживает наиболее существенную особенность слова как языкового знака – единство в нем лингвистического, логического и экстралингвистического. И если бы лексические единицы языка не характеризовались исключительным разнообразием того, что мы называем значением, возможно, такая методика была бы универсальным способом схематизации отношений между компонентами слова. К сожалению, это не так, и поэтому ученые, занятые исследованием семасиологии, стремясь визуализировать более сложные или неоднозначные отношения между компонентами содержательной структуры слова, часто прибегают к различного рода модернизациям «семантического треугольника». А.А.Реформатский [5:60] на примере слова *шарик*, становящегося кличкой собаки, с помощью «семантического треугольника» пытался показать ослабленную связь имен собственных с понятиями, с которыми они связаны непосредственно.

Его схемы использовала и развила А.В.Суперанская [6:126-135] для демонстрации других специфических свойств семантики собственных имен. На основе анализа упомянутых выше моделей Реформатского-Суперанской и их переработки строится серия схем, предназначенная для прояснения некоторых особенностей взаимоотношений между именем, образом и денотатом в поэтонимах. Некоторые различия в терминах, описывающих схемы, не носят в данном случае принципиального характера. Хорошо известно, что в работах разных исследователей в семантическом треугольнике каждой из вершин соответствуют различные обозначения: данный реальный или мыслимый предмет действительности называют: *вещь, объект, явление, процесс, признак, денотат, референт* и т.д.; последовательность звуков или графических знаков, представляющих внешний элемент семантического треугольника, именуют: *звук, звуковой комплекс, слово, означающее, форма* и т.д.; для вершины треугольника, символизирующей понятийную сторону слова, используют термины: *смысл, сигнификат, интенционал, означаемое* и т.д. Поскольку упорядочение терминологии не является задачей статьи, вкладываемое в каждый термин содержание дано эксплицитно.

Для того, чтобы различать модели Реформатского-Суперанской и наши схемы, условимся называть первые рисунками, а вторые – схемами. Связь нарицательного имени и мотивированного собственного имени с их объектами и понятиями, а также последующая семантическая редукция имени собственного представлены рисунками 1-3. На первом рисунке «показана связь слова *шарик* с понятием (маленький шар, включающий два существенных признака: сферичность и небольшой размер) и с вещью (объектом) [6:124].

Второй рисунок отражает более сложные отношения между мотивированным именем, объектом и понятием мотивирующего и мотивируемого слов. «Становясь собственным именем щенка, маленького и толстого, слово *Шарик* оказывается на первых порах мотивированной кличкой, связанной с понятием 'щенок' через посредство именуемого объекта» [6:125].

Поскольку этот рисунок упрощенно иллюстрирует ситуацию наречения *щенка* именем *Шарик*, взяв его за основу, представим с помощью собственных схем процесс получения

щенком клички *Шарик* и конечный результат: мотивацию нарицательным именем одного объекта собственным именем другого объекта. Как известно, любая абстракция обусловлена и возникает на основе наблюдения материальных предметов. Поэтому можно считать исходной точкой рассуждений ситуацию, когда *этому конкретному щенку* необходимо выбрать кличку. 1) Данному нам в ощущениях объекту (щенку, которого можно наблюдать, потрогать и т.д.) необходимо «присвоить» имя. При назывании объекта 'щенком' получаем нарицательное имя *щенок* и понятие (семантический облик) об объекте. Этот момент процесса именования фиксирует треугольник I.

Рис.1

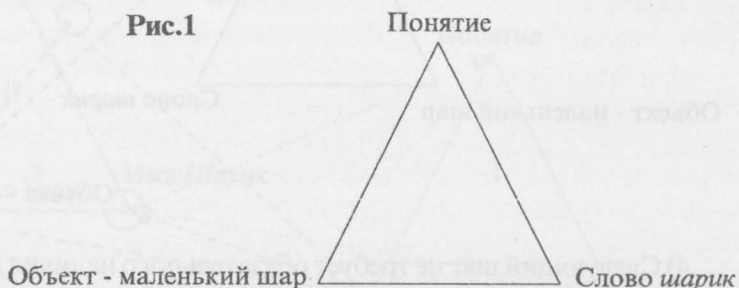
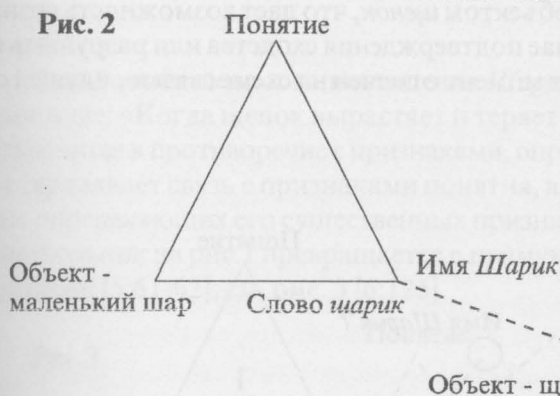

Рис. 2

Понятие

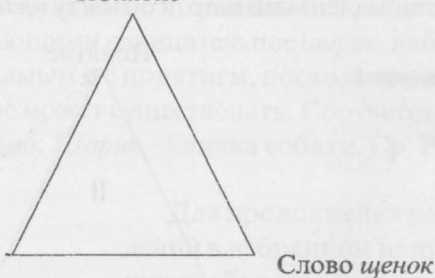
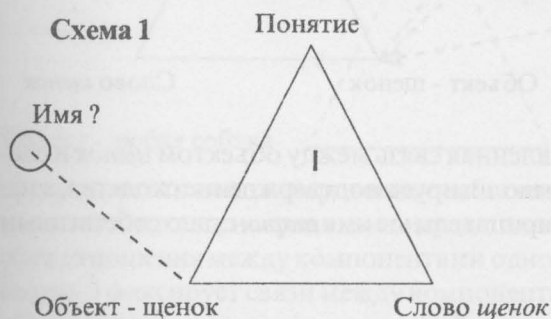

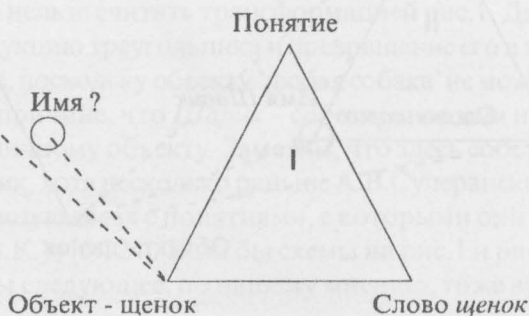
Схема 1

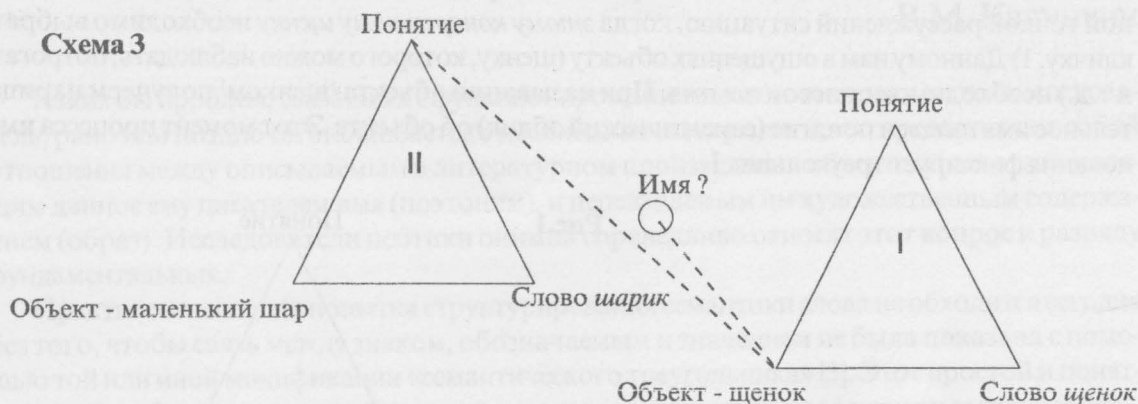
2) Данный нам в ощущениях объект (маленький, толстый, почти круглый, неуклюжий: не ходит, а «катится») вызывает абстрактное представление (семантический облик) другого предмета – шарика. Этот момент отмечен связью, идущей от объекта «щенок» к понятию «шарик».

Понятие 'шарик'

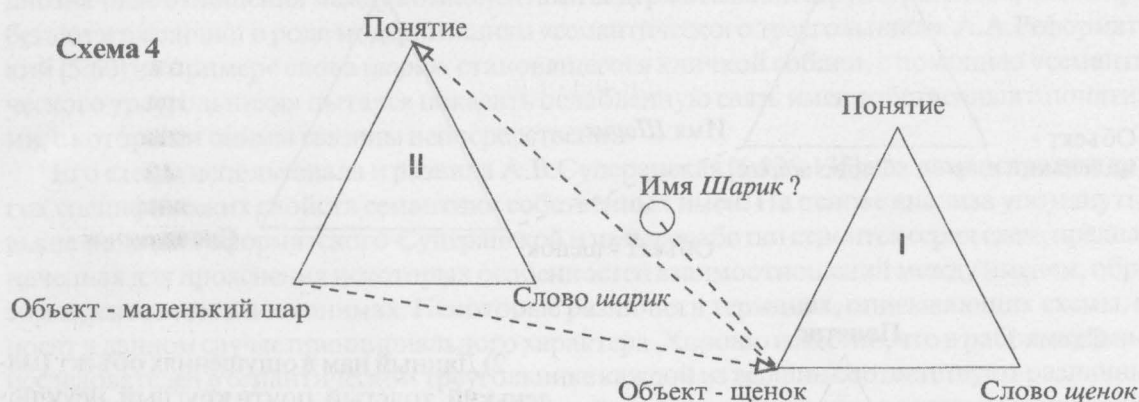
Схема 2

3) В момент осознания сходства данного нам в ощущениях объекта с другим, имеющимся в представлении, «идеальным» образованием получаем нарицательное имя *шарик* и соответствующий объект. Этот момент процесса именования фиксирует треугольник II.

4) Следующий шаг не требует обязательного наличия данного нам в ощущениях объекта. Объект *шарик* мысленно сравнивается с объектом *щенок*, что дает возможность сознанию закрепить связь между объектами в случае подтверждения сходства или разрушить ее при обнаружении несходства объектов. Этот момент отмечен на схеме связью, идущей от объекта 'маленький шар' к объекту *щенок*.

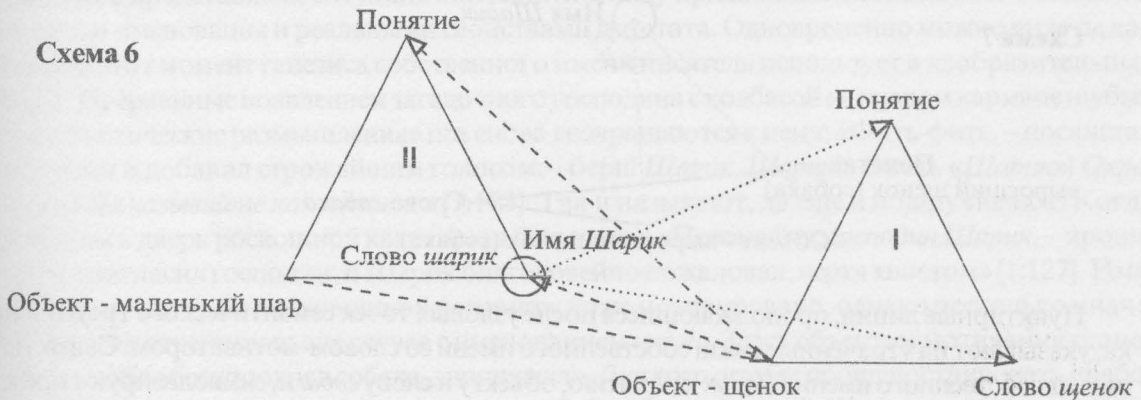

5) Вслед за этим устанавливается двунаправленная связь между объектом *щенок* и словом *шарик*. Направление от объекта к слову символизирует подтверждение сходства, а направление от слова к объекту показывает, что нарицательное имя *шарик* стало собственным именем *Шарик* объекта *щенок*.

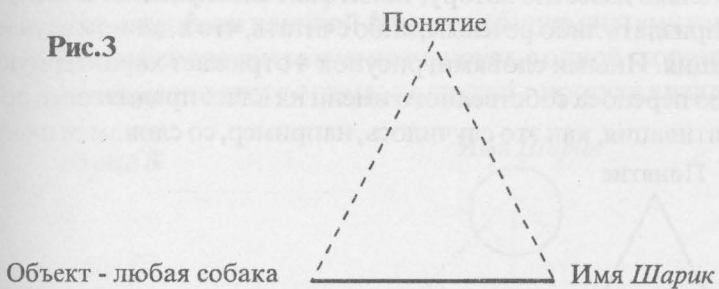
б) Последний момент номинации закрепляет связь имени собственного *Шарик* с понятием и словом *щенок*. Этот момент процесса именования отображен на схеме линиями, идущими от клички *Шарик* к понятию и слову *щенок*. На этом процесс номинации завершается, и начинается «жизнь» собственного имени. Кроме того, что схема отображает момент закрепления связи внеположенного собственного имени с понятием «щенок», нарицательным словом *щенок* и единичным конкретным объектом «щенок», она представляет результат мотивации нарицательным именем объекта II собственного имени объекта I.

Схема 6

Судьба собственного имени щенка *Шарик* представляется А.В.Суперанской в следующем виде: «Когда щенок вырастает и теряет первоначальные признаки <...>, слово либо становится в противоречие с признаками, определяющими нарицательное *шарик*, либо вовсе утрачивает связь с признаками понятия, а тем самым и с понятием, поскольку понятие вне определяющих его существенных признаков не может существовать. Соответственно треугольник на рис. 1 превращается в прямую линию: *Шарик* – кличка собаки. Ср. Реформатский [5:61-62]; см. рис. 3 [6:125].

Рис.3

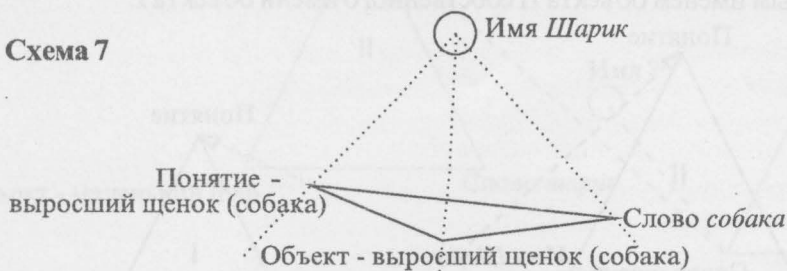
превращается в немотивированное собственное имя, обосновывается схемами, содержащими, на наш взгляд, неправильное представление ситуации. Так, треугольник на рис. 1 отражает отношения между компонентами одной лексической единицы (*шарик*), а треугольник на рис. 3 фиксирует связи между компонентами другой лексической единицы. Кроме того, объект «маленький шар» подменен объектом «любая собака»; вершины треугольников обозначены и на рис. 1, и на рис. 3 одним и тем же словом «понятие», из-за чего судить о его содержании не представляется возможным.

Таким образом, рис.3 нельзя считать трансформацией рис.1. Далее: рис. 3, призванный проиллюстрировать «редукцию треугольника и превращение его в линию» [6:125], на самом деле вводит в заблуждение, поскольку объекту «любая собака» не может соответствовать «имя *Шарик*» по той простой причине, что *Шарик* – собственное имя и, следовательно, может относиться только к единичному объекту. Заметим, что здесь собственное имя включено в семантический треугольник, хотя несколько раньше А.В.Суперанская пишет, что имена собственные имеют ослабленную связь с понятиями, с которыми они непосредственно не связаны (выделено мной. – В.К.)» [6:124]. Если бы схемы на рис. 1 и рис.3 были правильными, то невозможным было бы следующее, по нашему мнению, тоже верное утверждение, что

Для продолжения рассуждений в избранном направлении необходимо уточнить некоторые моменты в комментариях А.В. Суперанской. Верное утверждение, касающееся того, что оним *Шарик* по мере роста собаки и утраты ею свойств, мотивировавших выбор клички,

путем метонимии и синекдохи «возможно установление связи слова *шарик* с другим понятием: ‘беспородная собака’, ‘дворняжка’» [6:125]. Внеположенность собственного имени по отношению к семантическому треугольнику, «описывающему» именуемый объект, позволяет представить отношения между собственным именем и объектом на этапе утраты собственным именем мотивирующих связей следующей схемой, начиная с которой семантический треугольник для удобства «положен» в горизонтальной плоскости.

Схема 7

Пунктирные линии, продолжающиеся после узловых точек семантического треугольника, указывают на утраченные связи собственного имени со словом-мотиватором. Связи, идущие от собственного имени *Шарик* к понятию, объекту и слову *собака*, символизируют прежде всего факт их наличия в каждом акте употребления клички *Шарик*. Именно эти связи, какими бы «ослабленными» они ни были, позволяют при соотнесении слова ‘собака’ не с конкретным объектом, а с классом однородных предметов, осуществить перенос имени *Шарик* на любую собаку и закрепить кличку именно за данным отрядом животных. Вряд ли собственное имя *Шарик* в русском языковом сознании может относиться к какому-либо иному живому объекту, кроме собаки. В схемах Реформатского-Суперанской утрата словом мотивационных отношений и переход собственного имени в апеллятив проиллюстрированы с помощью рисунка 4. Однако, насколько известно автору, такой факт словарями не засвидетельствован. Поэтому его следует признать либо речевым, либо считать, что в данном случае имеет место неполная апеллятивация. Иными словами, рисунок 4 отражает характерную для языкового развития тенденцию переноса собственного имени на класс предметов, в результате чего возможна его апеллятивация, как это случилось, например, со словом *галифе*.

Рис.4

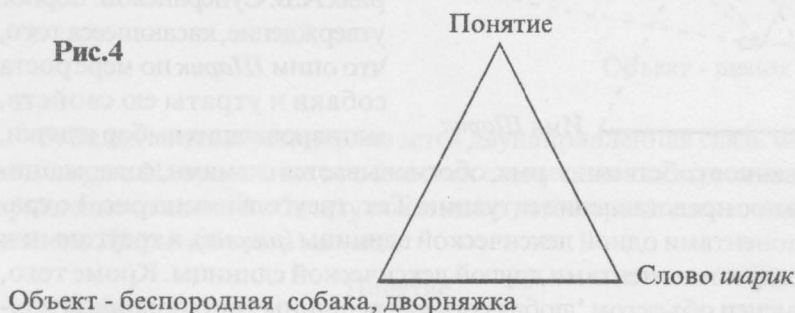

Рисунок редуцирован до изображения только результата и никак не отражает механизм перехода собственного имени в нарицательное. Чтобы схема отражала процессуальный характер явления апеллятивации онимов, она должна включать промежуточное звено, объясняющее, как и чем обеспечивается возможность любой беспородной собаке дать кличку *Шарик*. Возможность именовать любую дворняжку именем *Шарик*, появившаяся в результате того, что связи онима с объектом, понятием и словом ‘собака’, вопреки мнению некоторых исследователей, сохраняются, была использована М.Булгаковым в «Собачьем сердце». Только что поевшая «в столовке» «тухлятины» сердобольная молодая «машинисточка», пробегающая мимо бездомного пса, обращается к нему вначале с помощью обычного в таких случаях междометия: «Куть, куть, куть!», – а вслед за этим первым пришедшим на ум «собачьим» именем: «*Шарик*, а *Шарик*! Чего ты скулишь бедняжка? А? Кто тебя обидел?» (здесь и далее

при цитировании повести курсив мой. – В.К.) И бездомный пес в подворотне, страдая от боли в изуродованном боку, не может понять мотив выбора такого обращения: ««Шарик» она назвала его! Какой он к черту Шарик? Шарик – это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляйка поджарая, бездомный пес. Впрочем, спасибо ей на добром слове» [1:121-122]. Несмотря на фантазмагоричность описываемого (пес, мыслящий по-человечески) и общий иронический тон, здесь представлена ситуация конфликта между привычным для языкового сознания мотивом именования и реальными свойствами денотата. Одновременно можно видеть, как именно этот момент генезиса собственного имени писатель использует в изобразительных целях. Прерванные появлением загадочного господина с колбасой «в правом кармане шубы» «лингвистические размышления» пса снова возвращаются к нему: «Фить-фить, – посвистал господин и добавил строжайшим голосом: – бери! Шарик, Шарик!» Опять «Шарик»! Окрестили! Да называйте как хотите» [1:123]. Так и называют, да еще и подшучивают. Когда открылась дверь роскошной квартиры в бельэтаже, «Пожалуйста, господин Шарик, – иронически пригласил господин, и Шарик благоговейно пожаловал, вертя хвостом» [1:127]. Имя, данное псу автором «чудовищной истории», тоже мотивировано, однако несколько иначе, чем в рассмотренном выше случае с именованнием щенка. Здесь объектом мотивации становится «любая беспородная собака, дворняжка». Для того, чтобы проиллюстрировать «работу» языкового сознания при назывании любой собаки кличкой Шарик, вернемся к тексту сатирической повести М. Булгакова. В тетради доктора Борменталья читаем запись от 22-го декабря 1924 г.: «Лабораторная собака приблизительно 2-х лет от роду. Самец. Порода – дворняжка. Кличка – Шарик» [1:158]. Выше уже говорилось, что бродячего пса подобрал профессор Преображенский и дал ему первую пришедшую в голову кличку Шарик. В истории болезни дотошный ассистент «документирует» следующие моменты: 1) собака, 2) самец, 3) дворняжка. Они-то и «объясняют», почему кличка – Шарик. Схема 8 показывает существенный, с нашей точки зрения, момент: только включенность индивидуального акта называния собаки кличкой Шарик в общую систему именования по большей части беспородных собак словом шарик мотивирует, с одной стороны, возникновение традиции использования именно этого онима, а с другой – процесс апеллиативации зоонима Шарик.

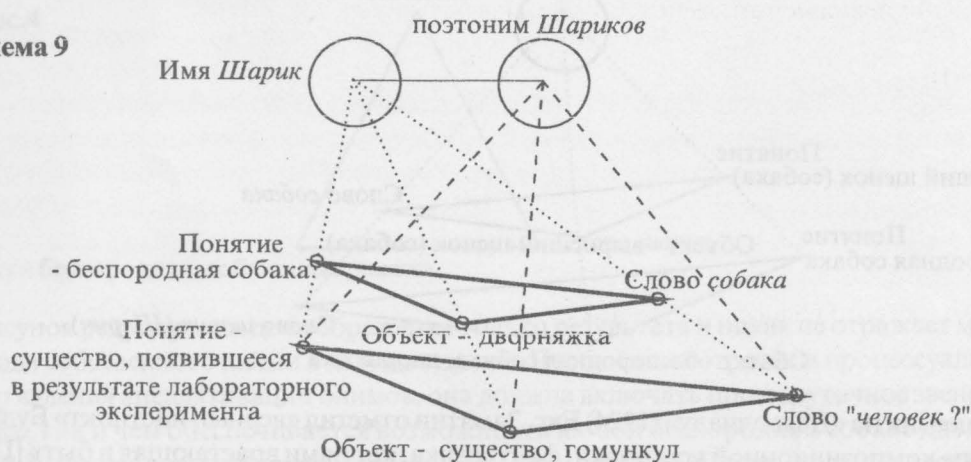
Схема 8

В рецензии на «Дьяволиаду» (1924) Евг. Замятин отметил «верный инстинкт» Булгакова «в выборе композиционной установки: фантастика, корнями вырастающая в быт» [Цит. по 2:664]. Сказанное в полной мере относится и к «Собачьему сердцу». Именно неразрывная связь фантастического с отчетливым и глубоким знанием действительности характеризует как всю повесть, так и конкретные приемы поэтики (в том числе и поэтики онимов) повести. Остро переживающий необычность происходящего («на первых двух страницах <почерк. – В.К.> уборист и четок, в дальнейшем – размашист, взволнован, с большим количеством клякс») Иван Арнольдович Борменталь ведет наблюдение за подопытным животным. 1 ян-

варя 1925 года он записывает: «Отчетливо лает «Абыр». В тот же день: «Вечером произнес восемь раз подряд слово «Абыр-валг», «Абыр!». На вкладном листке значится: «В моем и Зины присутствии *пес (если псом, конечно, можно назвать)* обругал профессора Преображенского по матери». 6 января: «Сегодня после того, как у него отвалился хвост, он произнес совершенно отчетливо слово «пив-ная». Работает фонограф. Черт знает что такое!!» К 8 января нервы ассистента начинают сдавать и в записях появляется: «*Тот* сегодня впервые прошелся по квартире». И далее: «он стойко держится на задних (*зачеркнуто*)... на ногах и производит впечатление маленького и плохо сложенного *мужчины*». 11 января в записях доктора Борменталья появляется новое слово: «В пять часов дня событие: впервые слова, произнесенные *существом*, не были оторваны от окружающих явлений...» При этом доктор продолжает именовать очеловечивающееся существо *Шариком*: «Я фотографировал в это мгновение *Шарика*». 12 января: «Новая область открывается в науке: без всякой реторты Фауста создан *гомункул!*» <...> Еще моя гипотеза: мозг *Шарика* в *собачьем периоде его жизни* накопил бездну понятий. <...> *Шарик* читал! Читал!!!» [1:158-165]. Вочеловечившийся *Шарик* вполне по-человечески выбирает себе имя: «Это вы несправедливо. Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечатав в газете – шабаш!» – «Как же вам угодно именоваться?» – *Человек* поправил галстук и ответил: «Полиграф Полиграфович» <...> «Фамилию позвольте узнать». – «Фамилию я согласен наследственную принять». – «Как-с? Наследственную? Именно?» – «*Шариков*». [1:171-172]. Всю ситуацию в избранной нами манере визуализации можно представить следующим образом. Линия, соединяющая имя *Шарик* с фамилией *Шариков* символизирует словообразовательную мотивированность последней, векторы, направленные от внеположенной фамилии к понятию, объекту и слову, обозначающему лабораторное существо, закрепляют связь онима с ними. А наличие опосредованной мотивации через объект, обозначенный словом *собака* и названный именем *Шарик*, вплотную приближает нас к возможности перейти к понятию образа. Заметим, однако, что в случае с фамилией *Шариков* мы сталкиваемся не столько с образом как таковым, сколько с ироническим обыгрыванием ситуации выбора «родового» имени. Открытость приема, с одной стороны, лишает его обаяния, свойственного эстетическому воздействию образа, с другой – наполняет сатирическим подтекстом. Тем не менее именно эксплицированность языковых действий позволяет четче представить лингвистический механизм образов, возникающих при обращении писателя к возможностям онимов.

Схема 9

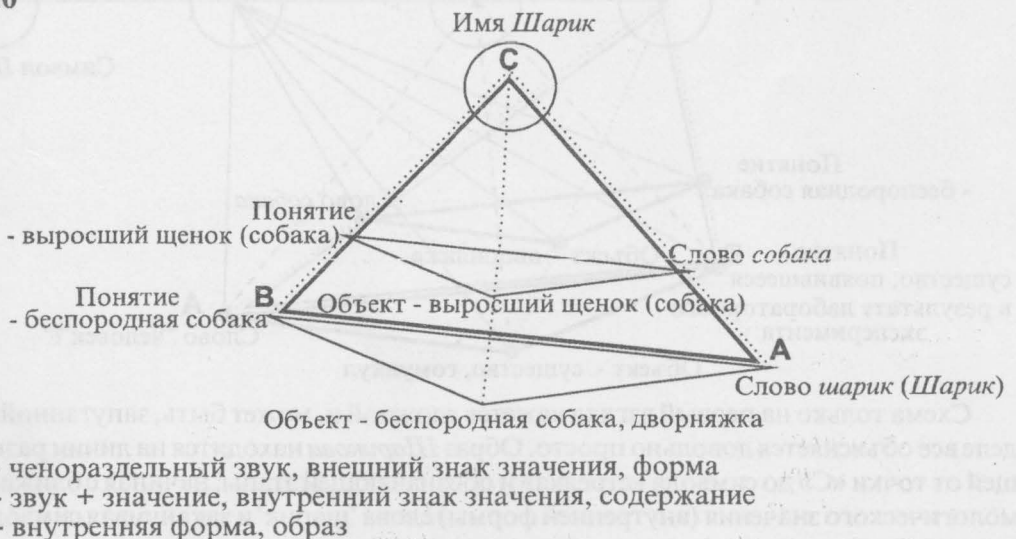
Наиболее сложной представляется задача сужения понятия «образ» до объема, необходимого для обсуждения взаимоотношений между поэтонимом, образом и денотатом (имени). Художественный образ, как известно, – одна из основных категорий эстетики, с помощью которой характеризуется особый способ освоения действительности. Для нас существенно то, что образ «обладает двучленностью, позволяющей стягивать разнородные явления в одно

целое». «Образ – это пересечение предметного и смыслового рядов, словесно-обозначенного и подразумеваемого. В образе один предмет явлен через другой, происходит их взаимопревращение» [7:252]. Понятие «образ» используется исследователями любого вида искусства. Поскольку художественная литература является искусством слова, мы вправе ограничиться сферой словесных образов, а в связи с интересующим нас материалом – поэтонимами – сосредоточиться на изобразительных возможностях собственных имен. Однако, допуская такое предельное сужение понятия «образ» с целью выявления «атомарных» свойств поэтонимов, не следует забывать и о том, что поэтоним – не более чем «молекула», причем не однородного вещества, а сложнейшей целостности, именуемой художественным произведением.

Принимая в качестве исходного положение о том, что поэтонимы литературного произведения являются средствами образности, необходимо последовательно придерживаться такого понимания структуры и специфики образа, сформированного средствами поэтики онима, которое, с одной стороны, полностью отвечает характеру анализируемого материала, а с другой – не противоречит общестетическому и семиотическому представлению об образе как о специфической категории. Отмеченное выше наличие в каждом образе предметного и смыслового компонентов, сказанного и подразумеваемого, требует их выявления и в поэтониме. Вспоминая о неоднократно упоминавшихся положениях о немотивированности собственного имени, об отсутствии у него лексического значения и даже об отсутствии непосредственной связи между именем и денотатом, мы вынуждены признать, что более «ущербного» материала для построения образа просто не существует. Но в том-то и дело, что словесный образ – это преодоление произвольности и немотивированности языкового знака через создание органической связи между словом (именем) и художественным смыслом.

А.А.Потебня считал, что «в слове мы различаем: *внешнюю форму*, т.е. членораздельный звук, *содержание*, объективируемое посредством звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значение слова» [4:22]. В другой своей работе он писал, что «первоначально всякое слово состоит из трех элементов: единства членораздельных звуков, т.е. *внешнего знака значения*; *представления*, т.е. *внутреннего знака значения* и *самого значения*» [4:133]. Применительно к понятию образа это высказывание в трудах А.А.Потебни трансформируется в представление о внутренней форме слова как основном признаке, являющемся центром образа. Возвратившись к схеме 8, можно (естественно, с допустимыми упрощениями) представить «семантический треугольник Потебни» в условиях рассматриваемого взаимоотношения между именем, образом и денотатом.

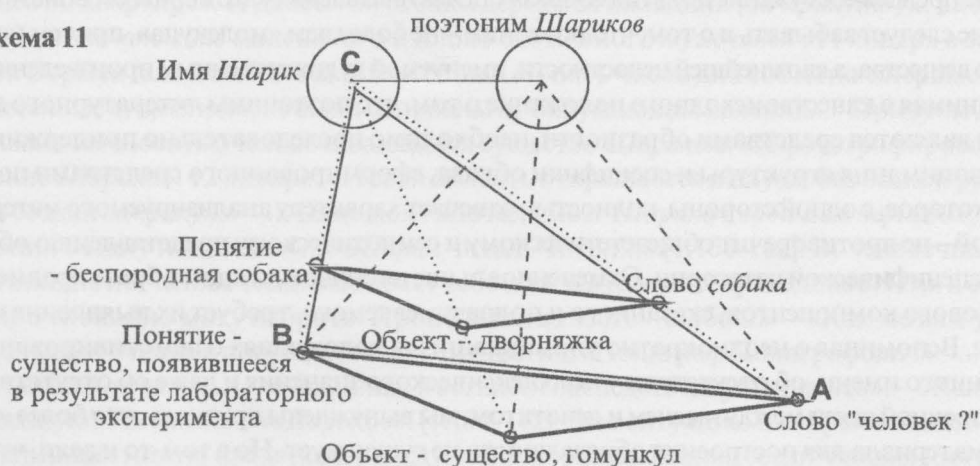
Схема 10

Как видно из схемы, А.А.Потебня касается лишь одной стороны привычного современ-

ной лингвистике семантического треугольника, а именно, связи между словом и понятием. Внутренняя форма, составляющая основу образа, оказывается так же, как и собственное имя, внеположенной по отношению к объекту (денотату) и располагается в той же зоне, что и построенное на ее основе собственное имя. Приведенные соображения не разъясняют все нюансы многогранной проблемы образного использования собственных имен в художественном произведении, но позволяют сделать следующий шаг в этом направлении.

Схема 11

На схеме 11, совмещающей наше представление о взаимоотношениях между именем и денотатом с визуализированными представлениями А.А.Потебни о связи внешней формы и содержания с образом, показан один из первых этапов перехода от внутренней формы имени *Шарик* к внутренней форме поэтонима *Шариков*. Условно его можно назвать «собственно языковым». В дальнейшем развитие образа связывается с функционированием поэтонима в тексте художественного произведения. Поэтому на последней схеме серии отображена связь развития образа с многократными употреблением поэтонима в различных контекстах данного художественного произведения.

Схема 12

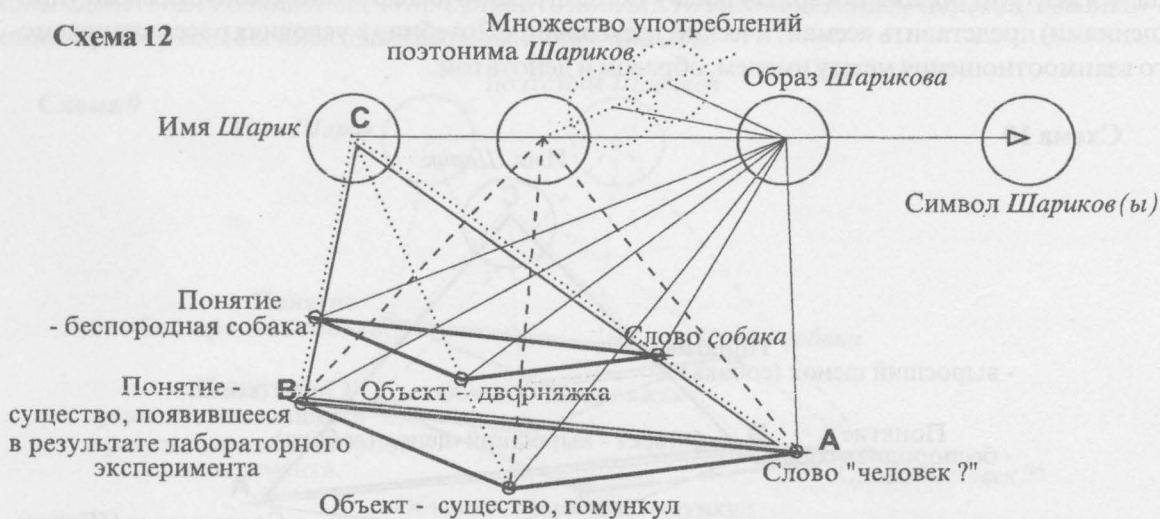

Схема только на первый взгляд кажется сложной и, может быть, запутанной. На самом деле все объясняется довольно просто. Образ *Шарикова* находится на линии развития, идущей от точки «С» до символа «стрелка» и обозначающей этапы, начиная с ближайшего этимологического значения (внутренней формы) слова 'шарик' и заканчивая символом *Шариков(ы)*. В образе, как в фокусе, собираются векторы, обозначающие связи со всеми теми компонентами семантической структуры, которые были перечислены выше. Кроме того, к

нему от пунктирных окружностей идут векторы, символизирующие приращение смыслов, связанное со множеством употреблений поэтонима *Шариков* в повести «Собачье сердце». Так как описание состава образа не является задачей данной статьи, ограничимся указанием на его сложную структуру, обусловленную множеством разнообразных влияний, связанных с жизнью художественного произведения в контексте культуры. После того, как поэтоним *Шариков* начинает употребляться в других (не булгаковских) текстах для обозначения не персонажа художественного произведения, а символа определенного социального явления, у него появляется потенциальная возможность превратиться в апеллятив. Первым шагом на этом пути становится допустимость употребления поэтонима в форме множественного числа: «Фальшь <...> грубого деления общества лишь на «нэпманов», «буржуев» – и пролетариат становится очевидной. Многосоставность сложного социального организма <...> зачеркивается – что оказывается на редкость удобным для *Шариковых* (курсив мой. – В.К.)» [2:688]. В подготовленных для публикации материалах к словарю коннотонимов, любезно предоставленных Е.С.Отиным, зафиксированы развившиеся на базе поэтонима *Шариков* коннотативные значения: «1. Вышедший из социальных низов невежественный, агрессивно настроенный человек, не способный к созидательной деятельности, умеющий только отнимать и делить между себе подобными. *Вот эти-то зажравшиеся номенклатурные шариковы не дают моему герою квоту на вылов каспийской кильки* (Огонек.-1992.-№ 44-46). 2. Прimitивно мыслящий коммунист, с неразвитым интеллектом. *В Воронеже похожий на священника хозяин молокозавода Аркадий Пономарев не сдал партбилет члена КПСС, разочарован в Зюганове, говорит, что от шариковых нет проходу, уважает Чубайса* (Комсомольская правда.-1998, 29 дек.). <3.> Дурак, невежа; нахал, примитивный человек (<...> примеры отсутствуют)».

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т.-М.,1989.-Т.2.

2. Гудкова В. Повести Михаила Булгакова. Комментарии // Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т.-М.,1989.-Т.2

3. Ogden Ch.K., Richards I.A. The meaning of meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism.-Ed. 4.-London, 1936.

4. Потебня А.А. Теоретическая поэтика.-М.,1990.

5. Реформатский А.А. Введение в языкознание.-М.,1967.

6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного.-М.,1973.

7. Эпштейн М.Н. Образ // Литературный энциклопедический словарь.-М.,1987.